

Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Эстетика словесного творчества. М., 1979. – 424 с.

Екатеринбург для больших и маленьких. Энциклопедия от А до Я (Учащиеся студии изобразительного искусства «Полосатый кот» и Дядя Эдя). – Екатеринбург, TATLIN, 2016. – 104 с.

Лаврова С. А. Потешные прогулки по Уралу / С.А. Лаврова [худ. А. М. Елисеев]. – М.: РИПОЛ классик, 2011. – 40 с.: ил. – (Потешные прогулки).

Ленковская Е. Сокровища Рифейских гор. О традиционных уральских художествах – детям и взрослым. – Екатеринбург: Генри Пушель, 2014. – 256 с.

Лихачев Д. С. Внутренний мир литературного произведения // Вопросы литературы, 1968. № 8. С. 74–87.

Лотман Ю. М. Художественное пространство в прозе Гоголя // В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1988. С. 251–293.

Татьяничева Л. – Урал: Стих [Электронный ресурс]. URL: <https://rustih.ru/lyudmila-tatyanicheva-ural/> (дата обращения: 21.02.2018).

Жарова А. И., Екатеринбург
(науч. рук. – Пращерук Н. В.)

Образ духовного отца в произведении современной аскетической прозы

Zharova A. I.

The image of the spiritual father in the work of modern ascetic prose

В статье рассматривается образ одного из центральных героев повести Екатерины Домбровской «Весна души. Страницы жизни рабы Божией Анны» – Духовника главной героини. Анализ проводится с привлечением трех главных уровней, формирующих целостный образ героя: телесного, душевного (психологический), духовного. Обращение к данной теме обусловлено возрастающей актуальностью изображения образа духовного отца в современной православной прозе.

Ключевые слова: образ, старец, духовность, духовник, душевность, монастырь.

The article considers the image of one of the Central heroes of Catherine Dombrovskaya's story "the Spring of the soul. Pages of life of Anna, the servant of God" – the Confessor of the main character. The analysis is carried out by means of attraction of three main levels forming an integral image of the hero: corporal, mental (psychological), spiritual. The appeal to this topic is due to the increasing relevance of the image of the spiritual father in the modern Orthodox prose.

Keywords: image, ancient, spirituality, spiritual Director, spirituality, monastery.

Книга «Весна души. Страницы жизни рабы Божией Анны» автобиографична. Главная героиня произведения Анна – «образованная

москвичка, журналист и писатель» [Пращерук : 262]. Она приходит в монастырь искать утешения после потери сына и добровольно трудится там во Славу Божию 20 лет.

Центральное место в системе персонажей книги наряду с Анной занимает её Духовник, который на протяжении 20 лет пребывания героини в монастыре являлся её проводником на пути к обретению сокрушенного сердца. Роль духовного отца в жизни каждого православного христианина без преувеличения является одной из самых ключевых. От правильного и внимательного выбора наставника во многом зависит истинный путь духовного развития личности.

В контексте истории практика исповедания своих грехов и послушания одному духовнику начинается именно с того момента, когда Иисус Христос дает «власть «вязать и решить» (Мф. 18:18), власть духовного руководства и отцовства Своим апостолам» [<https://azbyka.ru/o-duhovnichestve>]. Далее от них попечительство своих духовных чад переходит всем грядущим «поколениям епископов и пастырей. <...> В истории Церкви существовало много типов духовного руководства» [Там же], и Митрополит Антоний Сурожский в своем докладе о духовности и духовничестве выделяет три класса духовников: «С одной стороны, на самом основном уровне, это – **священник**, которому дана благодать священства, которая включает в себе не только право, но и благодатную силу совершать таинства» [<http://www.pravoslavie.ru/54286.html>]. Иерей может давать наставление своим прихожанам во время проповеди, помогать советом, но брать абсолютный духовный контроль над жизнью паствы он не в состоянии. Следующий тип, который выделяет Владыка Антоний, – это старцы: «**Старцами** можно быть только по благодати Божией, это харизматическое явление, это дар. И научиться быть старцем нельзя, – так же, как нельзя выбрать своим путем гениальность» [Там же]. Важно отметить, что связь, возникающая между чадом и старцем, образуется исключительно на уровне духа. Скрепки, соединяющие человека с его наставником, можно описать через метафору родства, где ключевые лексемы сформированы в ряд: «отец,

мать, сын, дочь, дети» [https://azbyka.ru/otechnik/Ignatiya_Puzik/slovo-o-starchestve#0_2]. Эти номинации встречаются как в монашестве, так и в священстве. «Но есть еще промежуточная область – это **отцовство**. Отцовство заключается в том, что какой-то человек – и это может быть даже не священник – родил к духовной жизни другого человека. И этот человек, взглядевшись в него [духовного отца], увидел, как старое присловье говорит, в его глазах и на его лице сияние вечной жизни, и потому мог к нему подойти и просить быть его наставником и руководителем» [<http://www.pravoslavie.ru/54286.html>]. Можно предположить, что духовник главной героини соответствует второму типу духовников – старцам. Кроме того, сама Анна говорила о своем новообретенном наставнике как о старце: «Анна никогда не забывала, что не по своей воле она попала к старцу-Духовнику, наместнику монастыря...» [Домбровская : 37].

С первых страниц рассказа о жизни Анны в монастыре мы встречаемся с образом «сурового» старца, который требователен не только к своим чадам, но ещё сильнее – к себе. Но как настоящий наставник и духовный отец, он научает и дает наказания своим подопечным исключительно в свете любви Христовой, которая была в основе его учения. Такое осознание к героине пришло уже спустя некоторое время по её пришествию в монастырь, первое же впечатление от встречи с его наместником было негативным «...Архимандрит ей категорически не понравился» [Домбровская : 45].

Теперь стоит детальнее рассмотреть образ архимандрита, формирующийся в повести через призму Анниного восприятия.

Образ литературного героя или персонажа зачастую создается на основе трех уровней, которые друг с другом связаны, но не тождественны: «уровень телесный, являющийся сферой первичных биологических влечений», «уровень душевный, психологический» и «уровень духовный, собственно человеческий» [Андреев : 12-13, 84]. Телесный уровень, прежде всего, связан с внешностью героя, с его портретом. Дополняется данная ступень бытовой

сферой (одежда, любые предметы гардероба человека), невербальной (мимика, жесты, походка и т.д.) и вербальной (речь и язык).

Возвращаясь к первой встрече Анны с архимандритом, можно увидеть в её описании небольшое, но довольно ёмкое изображение настоятеля: «Анна издалека увидела его выходящим из собора, быстро и бодро, на ходу бросающим ответы прихожанам, кого-то благословляющим, чуть ли не весело, но, несомненно, с молодой силой улыбающимся; она схватила на всю жизнь единым кадром острый и какой-то особенный, пронзающий (она ещё подумала – «страшный!») взгляд его больших серых глаз и неповторимо стремительный, уверенный шаг, обвеваемый широкими полами подрясника». [Домбровская : 45]. Можно сказать, этот набросок к портрету Духовника и динамическое описание его внешности – единственные на всю книгу.

«Психологическая (душевная) структура литературного героя включает в себя:

- интеллектуальную сферу, сознание – совокупность умственных качеств персонажа.
- эмоционально-психологическую: эмоции, чувства, переживания, настроения;
- волевые, деятельностно-коммуникативные качества характера героя;
- вкус (чувство красоты), воображение, художественные способности (одаренность, талант, гениальность)» [www.gramota.net/editions/2.html].

Уместно предположить, что умственные качества Духовника проявляются, главным образом, в его глубоком знании текстов духовной литературы, Священного Писания, Псалтири. Например, довольно точно дана оценка интеллектуальной сферы образа наставника в следующем отрывке: «Анна, разумеется, и чувствовала, и остро воспринимала особенности и характер богословского мышления Духовника, его подходы, видела его широту и поразительную смысловую точность, умение объяснить любому человеку высокое и, казалось бы, для обыденной жизни не суть важное. <...>

Любое понятие – логос, выражаясь богословски, – в его руках мгновенно и убедительно возводил ум человека к Богу...» [Домбровская : 418].

Если говорить о сфере эмоционального в образе старца, то в первую очередь стоит сказать о его особой сдержанности в проявлении чувств. Конечно, как любой другой человек-мирянин, Духовник не мог не переживать, на его лице прихожане нередко видели «мягкую» улыбку. На протяжении повествования мы можем видеть Духовника строгим, прямолинейным, серьёзным, замкнутым, но через несколько страниц перед нами старец предстает совершенно в ином настроении. Духовник был всегда честен, как перед прихожанами, так и перед самим собой. «Он не терпел лжи, притворства, игры– даже в самом тонком ее проявлении, – всё ведь это было знаком прелести – опасной духовной болезни» [Домбровская : 57]. Архимандрит являл собой удивительный образ гармоничного сочетания в одном человеке аристократичности, достоинства, чувства такта с простотой, рожденной из чистого сердца.

Следующая сфера, формирующая психологический образ Духовника, эксплицируется через его деятельность в обществе, а именно – несение послушания в качестве наместника монастыря. Перед архимандритом стояла невероятно сложная задача – восстановить древнюю монашескую обитель, которая находилась в «состоянии ужасающей разрухи» после её возвращения Церкви в 1990 году. Духовные чада никогда не видели в глазах старца уныния, не слышали ропота от него, наместник мудро руководил возрождающейся обителью и своей деятельностью вдохновлял на труд многих прихожан, которым монастырь становился вторым домом, благостным пристанищем для души. В отношении самой героини старец также во время и к месту давал самые нужные наставления и уроки. «Глаза его излучали привет... Он сразу взял Анну к себе и повел очень простой, даже отчасти свойский разговор о каких-то монастырских делах. Но вдруг остановился и серьезно, хотя и очень по-хорошему сказал: “Давай, Анна, начинай потихоньку очищать сердце, ведь “тамо гади, имже несть числа”» [Домбровская : 140]. В тот момент своей

жизни героиня нуждалась именно в подобном назидании, её душа жаждала утверждения в том, что она трудится в правильном направлении, к тому же Анне показалось, что Духовник «поставил ее на некую новую ступень жизни» [Домбровская : 141]. А данное ощущение, несомненно, важно для духовного развития человека.

Говоря о последней сфере выражения душевной составляющей образа архимандрита, отметим, что в тексте повести не встречается упоминание об эстетическом восприятии мира Духовником. Но здесь необходимо сказать о таланте, который даровал Бог наместнику. Пожалуй, его можно назвать сердцеведением. Во многом это призвание связано с предыдущей сферой душевного состояния образа, так как данный талант не может быть дан человеку, который ведет праздный образ жизни, что ведет за собой утрату трезвенности ума и потерю благодати Божьей. Также последние две сферы воплощения душевного в образе литературного героя связаны с тем, что архимандрит, стяжавший дар сердцеведения, помогал с его помощью своим духовным чадам и вообще всем тем, кто приходил к старцу со своими бедами и проблемами. Само слово «сердцеведение» имеет простое толкование: «Знание человеческого сердца, душевных движений человека» [Ефремова : 889]. Наиболее частые случаи явления этого великого дара верующие встречали и продолжают встречать именно среди старчества. В русской Православной Церкви ярким примером стяжанием дара сердцеведения служит подвижничество иноков Оптиной пустыни.

Прежде чем перейти к описанию духовно-аксиологической сферы литературного героя, остановимся на разграничении понятий душевного и духовного в жизни человека. Митрополит Иерофей (Влахос) в своей книге «Православная духовность» уделяет особое внимание определению понятия духовность. Греческий богослов дает следующее толкование: «Существительное ”духовность” (пневматикотис) происходит от прилагательного ”духовный” (пневматикос). Следовательно, духовность – это состояние духовного человека» [Азбука, эл. ресурс]. Важно отметить, что

существуют некоторые различия между недуховным человеком и духовным, и, в первую очередь, они проявляются на уровне поведения, определенного образа мыслей, что обусловлено другой мотивировкой. Ещё митрополит Иерофей уделяет внимание границе между духовностью и душевностью, говоря, что «проявление душевных энергий, таких как разум, чувства, гнев и т.д.» [Там же] не характеризует духовность личности. Однако некоторые могут заблуждаться на этот счет, приравнивая развитие умственных способностей и творческую деятельность человека к работе духа. Митрополит продолжает свои рассуждения о границе между душевным и духовным человеком, опираясь на учение апостола Павла: «Духовным является тот человек, который имеет в себе действие Святого Духа, тогда как душевным человеком является тот, у кого есть душа и тело, но кто не стяжал Святого Духа, дающего жизнь душе» [Там же]. Иначе говоря, духовность человека определяется наличием благодати в его сердце, которая делает его сыном Божиим и свободным от рабства плоти. Поэтому, говоря о духовно-аксиологической сфере образа архимандрита, будем иметь в виду центральную единицу – религиозную аксиологию. Наиболее важными ценностями в духовной жизни наместник считает любовь и смирение. Данная установка соответствует евангельскому и апостольскому учению. Архимандрит наставлял как всех прихожан, любого, кто внимал его слову: «Духовник учил Христовой любви, постоянно говорил о ней в своих проповедях» [Домбровская : 38], так и в личных разговорах с главной героиней он напоминал о главном сокровище христианина «Однажды Духовник, как всегда неожиданно и без связи с предшествовавшей темой разговора, сказал Анне: ”Запомни, Анна: любовь к Богу и любовь к ближнему исключают любовь к себе”» [Домбровская : 115]. Другая христианская добродетель, стяжанию которой учит Духовник своих чад, – это смирение. «Пока же перед Анной Духовником была поставлена задача терпеть всё находящее. Притом он добавил: ”Учти: от терпения до смирения – огромное расстояние”» [Домбровская : 106]. Немного иная форма наставления

архимандрита в умении смиряться встречается также в сочетании с терпением: «Анна не уставала повторять слова Духовника: ”Терпение без смирения – катастрофа”» [Е.Р. Домбровская : 162]. Архимандрит в слове о смирении не отступал от письма Евангелия и святоотеческой литературы, где обучению этой важнейшей христианской добродетели отведены несколько сотен страниц. В Священном Писании можно встретить о смирении как непосредственные слова «низложил сильных с престолов, и вознес смиренных» (Лк. 1 : 52), так и так и притчевые или образные параллели: «А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду» (Мф. 5 : 39-40). Стяжание благодати и смирения требует тишины. Поэтому главный герой повести архимандрит не отличался пространными речами о спасении души, тем более многословием и пустословием. Важно отметить, что Духовник предельно серьезно относился к каждому произнесенному им слову, и никогда нельзя было за ним заметить поступков и дел, которые не соответствовали бы сказанному им. В его жизни не было места лицемерию и лукавству, он не выносил игры и фальши, иначе говоря – фарисейства.

Подводя итог сказанному об образе Духовника Анны в произведении, отметим, что перед читателями предстает настоящий русский старец как преданный продолжатель национальной, самобытной традиции старчества, начиная с преподобного Сергия Радонежского и продолжая святыми иноками Оптиной пустыни. Автору произведения удалось создать живой, светлый и незабвенный образ Духовника, который сыграл в жизни главной героини одну из важнейших ролей.

Литература

- Евангелие от Матфея* 5:39-40. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2009.
- Евангелие от Матфея* 18:18. – М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2009.
- Евангелие от Луки* 1:52. – М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2009. –

Игумен Иларион Алфеев О духовничестве / Иларион Алфеев. – Режим доступа : [<https://azbyka.ru/o-duhovnichestve>].

Андреев А. Н. Целостный анализ литературного произведения / А.Н. Андреев. – Минск : НМЦентр, 1995. – 144 с.

Иерофей Влахос. Православная духовность / Иерофей Влахос. – Режим доступа: [https://azbyka.ru/otechnik/Ierofej_Vlahos/pravoslavnaia-duhovnost/#note2_return].

Домбровская Е. Р. Весна души. Страницы жизни рабы Божией Анны / Е.Р. Домбровская. – Канада : Altaspera, 2013. – 368 с.

Домбровская Е. Р. Весна души. Страницы жизни рабы Божией Анны / Е.Р. Домбровская. – Москва : ИПО «У Никитских ворот», 2016. – 512 с.

Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка / Т.Ф. Ефремова. – Москва : АСТ, Астель, Харвест, Lingua, 2005. Т. 3.– 889 с.

Пращерук Н. В. «В школе сокрушения»: о книге Екатерины Домбровской «Весна души. Страницы жизни рабы Божией Анны» / Н.В. Пращерук // Издательство УМЦ УПИ. – 2016.

Игнатия Пузик, Петровская. Слово о старчестве / Игнатия Пузик, Петровская. – Режим доступа : [https://azbyka.ru/otechnik/Ignatiya_Puzik/slovo-o-starchestve#0_2].

Сурожский А. Духовность и духовничество / А. Сурожский. – Режим доступа : [<http://www.pravoslavie.ru/54286.html>].

Явцева А. В., Самара
(науч. рук. – Журчева О. В.)

Культурные коды в лирике И. Кормильцева (на примере песни группы «Наутилус Помпилиус» «Утро Полины»)

Iavtseva A. V.

The cultural codes in the Ilya Kormiltsev's lyrics (on the example of a song of the group "Nautilus Pompilius" "Polina's Morning")

В статье показано, что на материале песни «Утро Полины», что поэтический рок-текст включает в себя наборы определенных культурных кодов. Автор статьи предпринимает попытку показать специфическую семиотичность рок-поэзии, путем анализа культурных кодов песни И. Кормильцева, написанной для группы «Наутилус Помпилиус».

Ключевые слова: рок-поэзия, семиотика, культурные коды, сказочные коды, метатекст, песенная культура.

The basic idea of that study is not a rock poetry in its broad sense, but a poetic text that is one of the equivalent elements of a song. Like any text, the poetry of rock is characterized, inherent in each set of verbal units, by a mosaic that arises from the interpretation of any text. Thus, the poetic rock text includes sets of certain cultural patterns. In a broad sense, the author of the article makes an attempt to prove the semiotics of rock poetry in general. The purpose of this study is to try to do it on a